

ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ В ПЕРЫНИ: НОВГОРОДСКИЙ ВАРИАНТ БАШНЕОБРАЗНОГО ХРАМА

Вл.В. Седов

На возвышенном месте, поросшем сосновым бором и ограниченном с трёх сторон болотами и речками, а с четвёртой, восточной — широким плёсом, образовавшимся в месте, где из озера Ильмень вытекает река Волхов, стоит небольшой древний храм (илл. 1). Его обступают невысокие кельи более поздней постройки. Он стоит на Перыни, одном из легендарных и загадочных мест русской истории (илл. 2). Но и сам храм заслуживает пристального внимания, он и сам является одновременно и легендой и загадкой. Прояснить некоторые связанные с этим памятником вопросы, а также попытаться поставить его в ряд других памятников древнерусского зодчества — вот задачи данной статьи.

Время строительства и обстоятельства сооружения каменной церкви в небольшом Перыньском монастыре нельзя восстановить по историческим документам. Новгородские и западноевропейские письменные источники донесли до нас легендарные известия об идоле Перуна, стоявшем на Перыни и давшем, по всей видимости, название как самому этому месту у истока Волхова из озера Ильмень, так и поставленному на нём небольшому мужскому монастырю¹. Обитель, судя по всему, была устроена на месте языческого капища, открытого раскопками середины XX в.² Это святилище располагалось к юго-западу от существующего ныне храма.

История монастыря по письменным источникам прослеживается пунктирно. Самое раннее упоминание обители «на Перуни» — под 1386 г., когда она оказалась среди сожжённых самими новгородцами монастырей, в которых могли остановиться осаждавшие Новгород войска князя Дмитрия Донского³. В 1438 г. упоминается игумен

Перыньского монастыря Дионисий Шестник, написавший пергаменную книгу — ноябрьскую месячную Минею⁴.

В летописной статье 1528 г. монастырь «на Перине» назван среди других новгородских обителей, в которых было введено общее («общежительное») житие⁵. Тогда же, по всей видимости, в монастыре, как и в других новгородских обителях, появилась монастырская трапезная, которая была, как мы увидим позже, деревянной. О том, что в Перыньском монастыре трапезная действительно была, мы узнаём из сообщения Новгородской Второй летописи под 1553 г., когда монастырь выгорел: «Месяца марта в 4 ден, на 3 недели великого поста в субботу на Перине монастырь выгорел весь и трапеза, а игумена в манастыре не было»⁶.

Роспись новгородских церквей и монастырей 1615 г. упоминает каменный храм с посвящением Успению Богородицы (заметим, что во всех других источниках храм обозначен как посвящённый Рождеству Богородицы) и деревянный храм в трапезной, посвящённый Троице: «Монастырь Перыньской, а в нем храмы: Успение Богородицы, камен, да Троица, древян»⁷.

В Описи Новгорода 1617 г. в монастыре упомянут лишь один разорённый каменный храм и один монах: «Пречистые Богородицы Рождества Перыньского монастыря. Храм в монастыре Рождество Богородицы розорен. Келей и ограды около монастыря нет. В монастыре старец один Максим. Церковной монастырской казны Божия милосердия у него крест благословящей да 5 книг»⁸. Ниже в той же Описи монастырь называется «пустым»⁹. В Писцовой книге Новгорода Великого 1623 г. нет описания собственно «монастыря Пречистые Богородицы на Перыне», да-

ётся только обзор пашен и мест рыбной ловли¹⁰. В 1634 г. монастырь был приписан к соседнему Юрьеву¹¹. Подробная опись монастыря была составлена только в 1768–1769 гг., когда монастырь был уже упразднён (в 1764 г.). В ней упоминается каменная церковь Рождества Богородицы «длиною с олтарем и с папертью на пяти с половиною, шириною на трех с половиною сажнях», деревянная колокольня у ворот монастыря (или над ними — не очень ясно), три настоятельских и две братских кельи, все деревянные и ветхие. Часть из этих построек, располагавшихся к северу от храма, показана на плане 1778 г.¹²

Из игуменов монастыря известен Феодосий (упоминается в 1628 г., сменён в 1634 г.). В 1671 г., по некоторым сведениям, при игумене Макарии обитель утратила самостоятельность и была приписана к соседнему Юрьеву монастырю¹³. По другим источникам, монастырь был приписан к Юрьеву ещё в 1634 г.¹⁴ В 1648 г. перечисляются его земли на реке Плотице, а затем монастырские вотчины упоминаются в 1679 г.¹⁵ Граница Юрьева монастыря и Перынской обители, проходившая по «общему межевому ручью», дважды упоминается в Описи Юрьева монастыря 1685 г.¹⁶

Наиболее полный очерк истории монастыря и обзор позднейших переделок его церкви был составлен в середине XIX в. архимандритом Макарием¹⁷. Он характеризует местоположение монастыря и даёт стандартное для его труда описание каменного храма, который, по всей видимости, затруднился отнести к той или иной эпохе, а потому оставил без датировки. Архимандрит Макарий сообщает о том, что храм был с 1764 по 1826 г. приходским, а в 1826 г. был по прошению архимандрита Юрьева монастыря Фотия приписан к этой соседней обители. Церковь была возобновлена «без изменения прежней простой архитектуры» и освящена в 1828 г. При ней был основан скит, в котором следовали уставу древних палестинских скитов. По другим сведениям, упразднённый Перынский монастырь был приписан к Юрьеву в 1824 г.¹⁸

В указанное время, но не в 1826–1828 гг., а несколько позднее, может быть, в начале 1830-х или даже в 1840-е гг. возле старой церкви появились небольшие одноэтажные постройки скита (новгородский городской архитектор И.Ф. Соколов), свидетельствующие о ранних поисках русского стиля в нарождавшейся архитектуре эклектики петербургского образца¹⁹. Эта перестройка связана с установлением в Перынском скиту устава «неусыпающих», учредителем которого был постриженник Фотия, живший на Перыни,

князь С.А. Ширинский-Шихматов (1785–1837, в монашестве «блюститель неусыпного моления Аникита», в монастыре до 1834 г.)²⁰. В период около 1828 г. или несколько позднее была произведена перестройка самого храма Рождества Богородицы, отразившаяся больше всего в интерьере. Здесь, так же как в соборе Юрьева монастыря, зодчий, производивший ремонт и перестройку, сузил часть рукавов креста, добавив к столбам массивные пилоны — для большей крепости конструкции. И в Юрьеве, и в Перыни чувствуется рука одного архитектора, заботившегося о прочности и не считавшегося с первоначальным обликом интерьера. Если в Георгиевском соборе все рукава креста были сужены прикладками ко всем четырём столбам, то в Перыни это отразилось только в сужении боковых рукавов, а также в том, что первоначальные восьмигранные нижние части западной пары столбов храма попали в массивную позднюю закладку.

Детальное и научное исследование храма Перынского монастыря началось очень поздно: до середины XX в. он практически не упоминается в работах по истории новгородской архитектуры²¹. Фактическим открытием памятника была публикация Р.А. Кацнельсон, обобщившая результаты послевоенного изучения храма, которое было проведено этой исследовательницей и археологами²². Храм был подробно описан, опубликованы как фиксационные, так и аналитические чертежи, приведены данные о технике первоначальной кладки (ряды камня и плинфы на известково-цемяночном растворе, плинфа размером 4–5 × 19–21 × 24,5–25 см), а также о переделках XVI и XIX вв., осуществлённых с использованием кирпича соответствующих размеров. Кроме того, было выявлено первоначальное восьмикатное покрытие, первоначальная восьмигранная форма западных столбов, форма боковых порталов, наличие хор в западной части храма. Р.А. Кацнельсон опубликовала данные раскопок внутри храма, проводившихся в 1948 г. под руководством А.В. Арциховского. В её статье содержались сведения о двух открывшихся уровнях полов: пола XVI в. из кирпичей (размером 5–5,5 × 13,5–14 × 27–28 см) и древнего пола из плит и брускового кирпича домонгольского времени (4,5–6,5 × 11,5–13 × 24–25 см) с прослойкой известкового раствора на песчаной подготовке²³. Исследовательница предприняла попытку создать графическую реконструкцию храма (достаточно интересную, но несколько условную — из-за отсутствия археологических обмеров всего сооружения), а также датировала его XII — началом

1. Церковь Рождества Богородицы на Перыни. Вид с юга

XIII в. (илл. 3). Она связала его одноапсидность и трёхлопастное завершение как с последующими памятниками новгородской архитектуры конца XIII—XIV вв., так и с одноапсидностью новгородской Пятницкой церкви 1207 г. и трёхлопастными формами в Евфросиниеве монастыре в Полоцке и церкви Михаила Архангела в Смоленске²⁴.

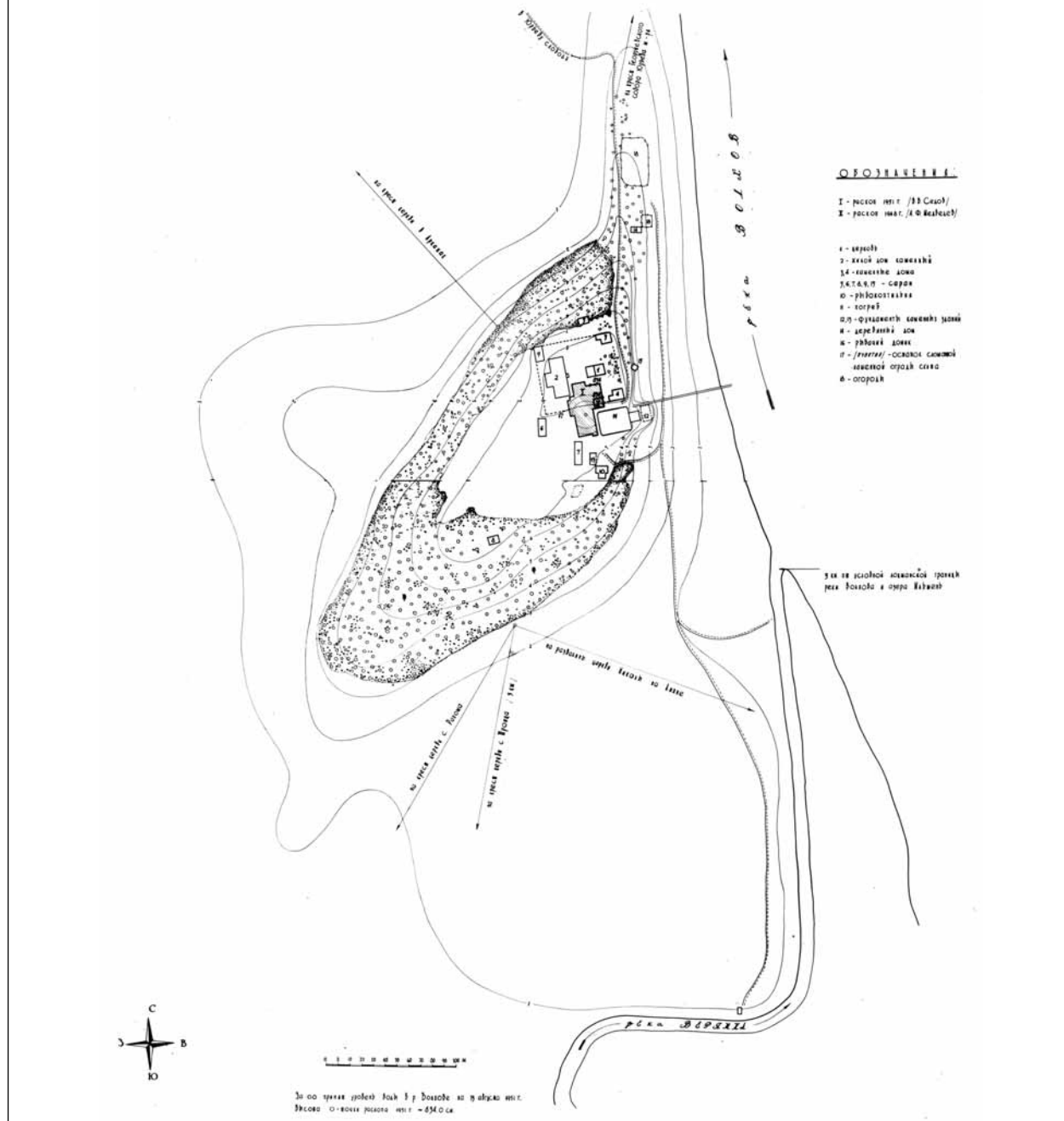
Раскапывавший в 1948 и 1951–1952 гг. территорию древнего святилища близ храма (илл. 4)

В.В. Седов датировал сооружение каменного храма по археологическим данным первой половиной XIII в.²⁵ М.К. Каргер в книге о Новгороде (вариант 1961 г.) пишет о том, что «особенности церкви Перынского скита как бы предвосхищают те архитектурные формы, которые станут характерными для новгородского зодчества конца XIII — XIV века», а немного ниже он напрямую связывает трёхлопастное покрытие Перыни и подобное

НОВГОРОД
1951

ПЛАН
УРОЧИЩА ПЕРЫНЬ
/КРАСНЫЙ СКИТ/

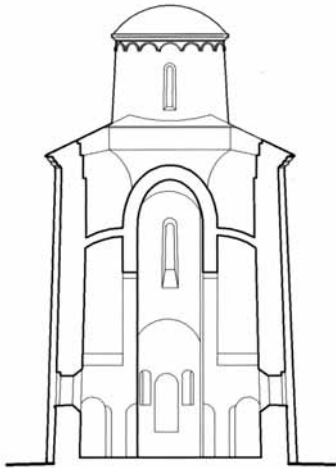
РАСКОП
ПЕРЫНЬ

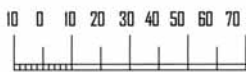
2. План Перынского монастыря 1951 г.
с обозначением места раскопок

Церковь в Перынском скиту.

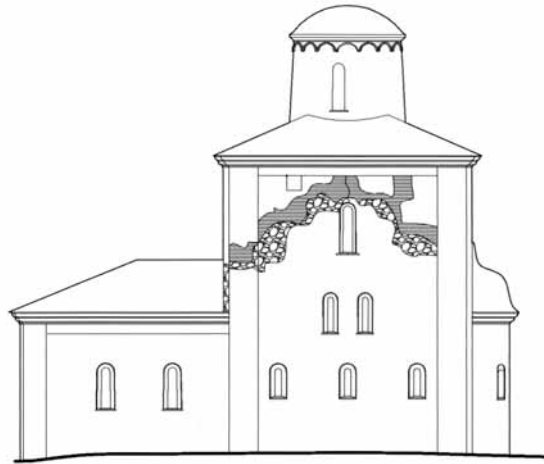
ПОПЕРЕЧНЫЙ РАЗРЕЗ.

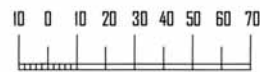
МАСШТАБ 1:200

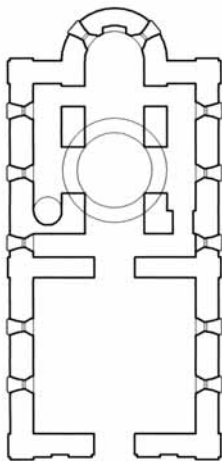
ЮЖНЫЙ ФАСАД.

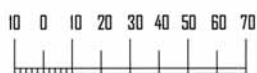
МАСШТАБ 1:200

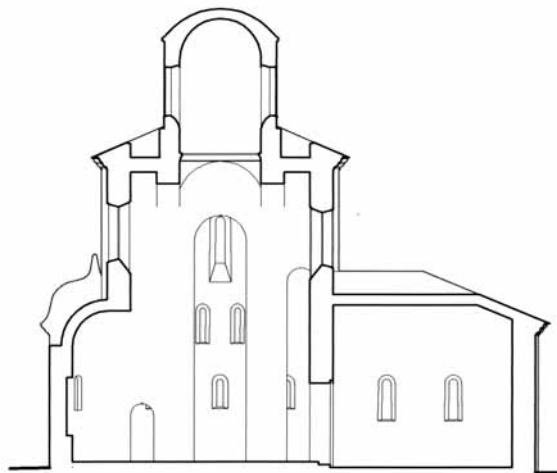
ПЛАН.

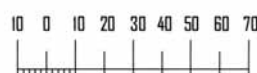
МАСШТАБ 1:200

ПРОДОЛЬНЫЙ РАЗРЕЗ.

МАСШТАБ 1:200

3. Церковь Рождества Богородицы на Перыни. Чертежи Р.А. Кацельсон: план с притвором, поперечный разрез по западной трети, продольный разрез, южный фасад

4. Раскопки святилища на Перыни и храм Рождества Богородицы. Вид с юга. Фото В.В. Седова 1951 г.

же завершение церкви Николы на Липне 1292 г.²⁶ В коллективной статье новгородских реставраторов церковь на Перыни упоминается только вскользь, но также названа прообразом церкви Николы на Липне 1292 г.²⁷

Крупные консервационные и реставрационные работы, сосредоточенные в основном на фасадах, были проведены новгородским архитектором-реставратором Л.Е. Красноречьевым в 1961–1965 гг. (восстановлена форма первоначальных окон, воссоздано первоначальное трехлопастное покрытие, был сломан поздний притвор, восстановлена высота барабана и апсиды). В это же время проводились работы по раскрытию и укреплению живописи, фрагментов первоначальной росписи и живописи второй четверти XIX в. (А.С. Кузнецов).

Л.Е. Красноречьев датировал памятник 1230–1240-ми годами²⁸.

В 1970 г. Л.Е. Красноречьев, осуществивший восстановление фасадов храма на Перыни в первоначальных формах, так охарактеризовал возрождённый им памятник: «Этот изумительный по совершенству своих форм памятник является самым ранним храмом на Новгородской земле, получившим трёхлопастное завершение стен. Кроме того, это трёхлопастное завершение по сравнению со всеми остальными постройками конца XIII, XIV и XV вв. является по существу «идеальным», то есть только здесь архитектурная форма трехлопастной арки на фасаде наиболее полно и точно отражает конструктивную сущность полукоробовых и коробовых сводов»²⁹.

В 1981 г. новгородский архитектор-реставратор Г.М. Штендер писал о работах по церкви на Пeryни как о примере применения аналитического реставрационного метода³⁰. В своей диссертационной работе он датировал церковь в Пeryнском монастыре 30–40-ми годами XIII в.³¹

П.А. Раппопорт сначала ограничился краткой справкой о храме на Пeryни³², а затем в совместной статье с О.М. Иоаннисяном подробно охарактеризовал его: «Работа смоленских мастеров в начале XIII в. в Новгороде привела к тому, что новая композиционная идея проникла даже в такую, отличавшуюся крайним консерватизмом, школу как новгородская: возведение в Новгороде Пятницкой церкви — типичного памятника смоленской школы — оказало определённое влияние на развитие новгородского зодчества. Правда, новгородские мастера заимствовали лишь некоторые типологические особенности этой церкви (трёхлопастное завершение фасадов, одноапсидность) и переработав их в своём, новгородском духе, создали совершенно новый тип храма — церковь Пeryнского скита, ставшую основой развития новгородского зодчества в более позднее время — в XIV–XV вв.»³³. Чуть позже П.А. Раппопорт писал об этом храме: «В маленькой Пeryнской церкви близ Новгорода (вероятно, 20-е или 30-е гг. XIII в.) трёхлопастное завершение фасадов помогло создать памятник, обладающий редкой целостностью объёма, благодаря чему даже маленькая постройка кажется величественной. Идея переработки форм новгородского храма, намеченная в Пeryнской церкви, позднее, в XIV в. легла в основу сложения совершенно самостоятельного и оригинального типа новгородских храмов»³⁴.

А.И. Комеч тоже видел в церкви на Пeryни результат приспособления форм церкви Параскевы Пятницы к традиционным новгородским приёмам: «Глядя на цельно скомпонованные фасады церкви Рождества Богородицы в Пeryнском скиту, на общие стройные очертания здания, столь непохожего на памятники XII в., с удивлением замечаешь на его фасадах все ту же симметричную группу из пяти окон. Она столь органично соединилась с трёхлопастными завершениями стен, что кажется задуманной и созданной именно для такой композиции. Подобная адекватность открывает степень подготовленности новгородского зодчества к восприятию нового типа храма, причину столь быстрого его усвоения. А ещё через сто лет трёхлопастные храмы станут для новгородцев единственно приемлемыми»³⁵.

Автор настоящей работы в статье, посвящённой влиянию романо-готических форм на архитектуру церкви Николы на Липне 1292 г., подчеркнул отсутствие западных, романских черт в церкви на Пeryни, а также отметил южнорусские формы храма — трёхлопастные завершения фасадов, восьмигранные западные столбы; кроме того, были приведены некоторые аналогии в зодчестве Смоленска и Полоцка конца XII — начала XIII в.³⁶

Следует отдельно сказать о датировке церкви Рождества Богородицы на Пeryни. Как мы видели, исследователи датируют её чаще всего вторым или даже третьим (а иногда и четвёртым) десятилетием XIII в. Оснований для такой датировки несколько. С одной стороны, церковь на Пeryни является упрощением южнорусской схемы, в ней уже есть отдельные новгородские черты (простые лопатки вместо пучковых, фасадная композиция из пяти окон, новгородская форма порталов, новгородское устройство хор в виде настила и двух приделов «на полатях», новгородская форма соединения восточных столбов и межалтарных стенок). Это значит, что если первым памятником южнорусской башнеобразной архитектуры на новгородской почве мы считаем храм Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде, сооружённый в 1207 г.³⁷, то церковь на Пeryни построена после этого года.

Г.М. Штендер по разработанной им шкале размеров новгородской плинфы (он даёт размеры 4–5,5 × 18–20 × 24,5–26 см, немного отличающиеся от тех, что приводила Р.А. Кацнельсон) датирует (со знаком вопроса) храм на Пeryни 30-ми гг. XIII в.³⁸ П.А. Раппопорт приводит те же, что и Г.М. Штендер, данные о размерах плинфы Пeryнской церкви (4,0–5,5 × 18–20 × 24,5–26 см) и по предложенной им шкале храм может быть датирован временем около 1209 или 1210 г.³⁹ Н.Н. Демичева (по результатам анализа обработанного ею материала) составила свою шкалу, согласно которой размер плинфы церкви Рождества Богородицы в Пeryни (размеры взяты у Г.М. Штендера и П.А. Раппопорта) позволяет датировать храм между 1198–1218 гг. или 1215 г.⁴⁰ Расхождение между этими тремя шкалами пока не может быть снято. Можно только дополнить картину, указав на плинфу церкви Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде, построенной в 1219–1224 гг.⁴¹ Её формат (4,5 × 14,5 × 23,5 см) даже меньше, чем формат плинфы храма на Пeryни, что может означать и то, что последний был построен до церкви на Прусской улице, т.е. между 1207 и 1224 г. Но логика предполагаемого процесса

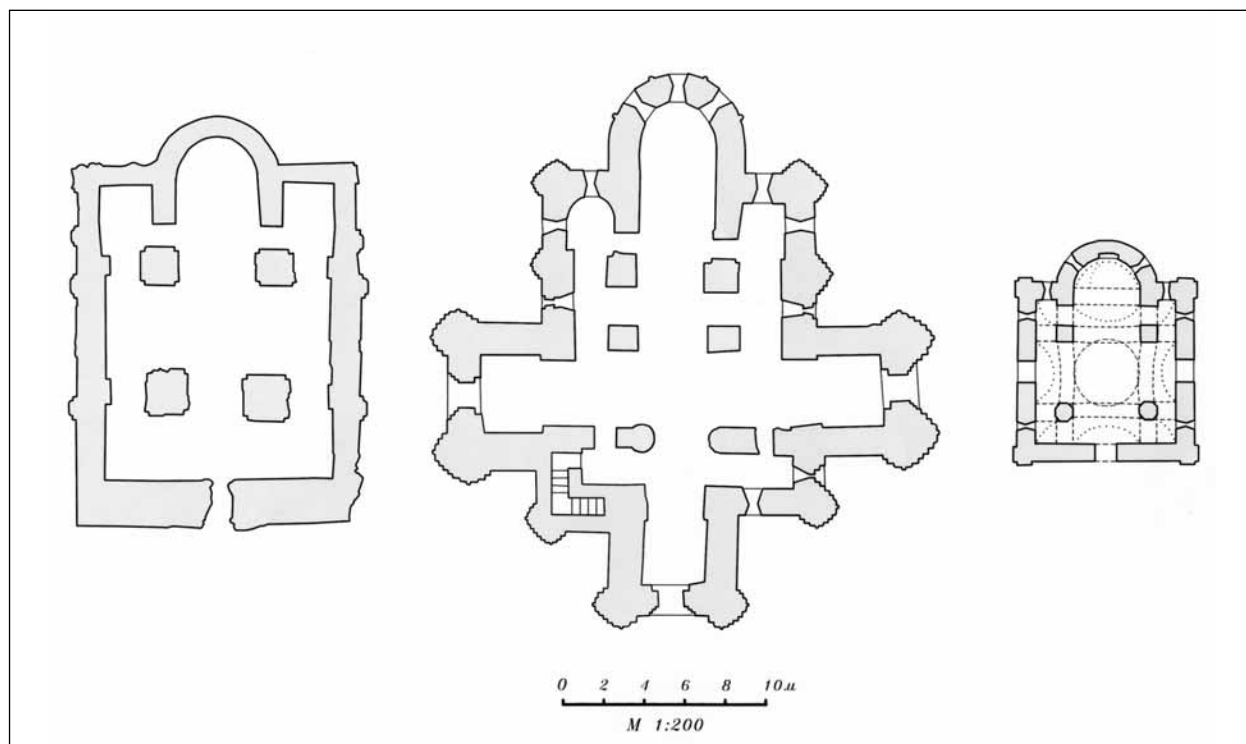
постепенного упрощения архитектурных форм побуждает расположить храм на Перыни после церкви Михаила Архангела на Прусской улице: там ещё есть довольно сложные лопатки, а в Перынской церкви их нет, там алтарь ещё имеет боковые апсиды, хоть и упрощённые относительно церкви Параскевы Пятницы, а в Перыни боковых апсид нет. Во всяком случае, в храме на Перыни не обязательно следует видеть последний памятник новгородской школы перед татаро-монгольским нашествием. Датировка его расплывчата, но не выходит за пределы периода между 1207 г. и серединой 1230-х гг. (илл. 5).

Итак, место церкви Перынского монастыря в истории новгородской архитектуры, вроде бы, определено: это памятник, в котором смоленские (или южнорусские) формы упрощены или использованы ограниченно, применены не полностью. Одновременно, это памятник, в котором последующая архитектура Новгорода видела образец формальных и композиционных решений (т.е. считала его своим, освоенным, лишённым чуждых, слишком сложных технически, а потому невоспроизводимых форм). Следует тут же оговориться, что таких памятников, как перынский храм, могло быть

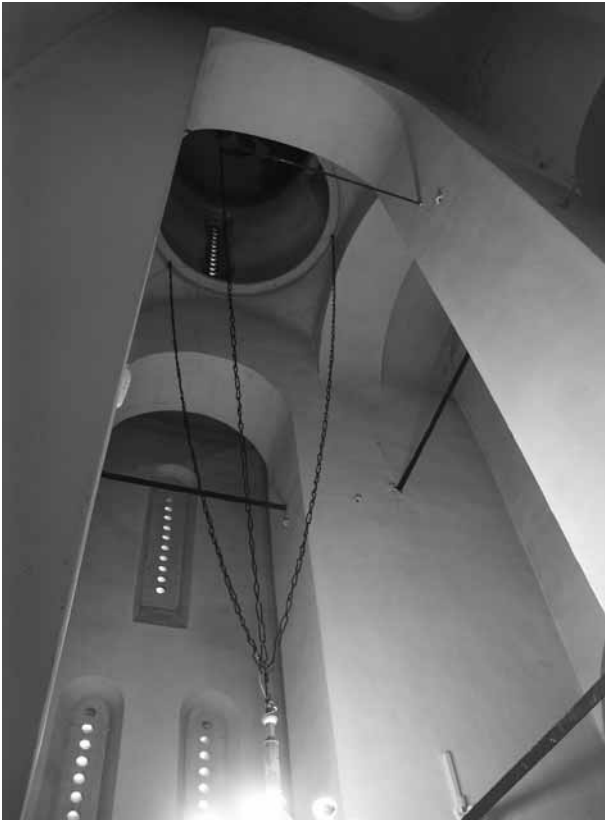
много, а потому новгородская архитектура конца XIII — XV вв. могла черпать формы и в других похожих церквях; но храм в Перыни остался для нас единственным свидетельством существования такой архитектуры, формульной и минималистской одновременно.

Для нашего исследования важны именно эти качества данного храма, а не то влияние, которое он или похожие по формам и близкие по времени (но пока нам неизвестные) памятники Новгорода первой трети — первой половины XIII в. оказали на новгородскую архитектуру последующего периода. Нам важнее то художественное, выразительное начало, которое содержится в самом храме Рождества на Перыни и характеризует как древнерусскую башнеобразную архитектуру в целом, так и новгородский вариант этого архитектурного движения рубежа XII—XIII вв.

Что означает термин «формульность» в применении к перынскому храму? Это значит, что он содержит только основные черты башнеобразной архитектуры, складывающиеся в формулу этого направления. «Формула» башнеобразности складывается из следующих составных частей (переменных): 1) во внешнем облике — из вытянуто-

5. Планы церквей (слева направо): Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде, Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде, Рождества Богородицы на Перыни

6. Церковь Рождества Богородицы на Пырьни.
Подкупольное пространство с северо-востока

7. Церковь Рождества Богородицы на Пырьни.
Подкупольное пространство. Вид на восток

го «тела» храма, из пирамидального завершения («плечей»), из высокого барабана под куполом («главы»); 2) в интерьере — из высоких столбов, узких боковых нефов, из чрезвычайно, чрезмерно вытянутого подкупольного пространства, переходящего в барабан, из помещённого на большую высоту и стеснённого, а потому плохо читаемого креста сводов, расходящихся от барабана по сторонам света (или сходящихся к нему) (илл. 6).

Все составные части этой формулы в Пыринском храме присутствуют. Мы понимаем, что этот памятник появился в результате упрощения храмов более украшенных, более артикулированных или сложнее организованных пространственно. Но одновременно мы осознаем, что перед нами церковь, с наибольшей на нынешнее время полнотой выражающая саму сущность башнеобразности — ведь это наиболее хорошо сохранившийся башнеобразный храм домонгольского времени.

Итак, в чём же состоит эта сущность башнеобразности, как её можно почувствовать или понять при осмотре пыринского храма? Башнеобразность

выражает, с одной стороны, желание представить здание как монумент, т. е. обратить его в скульптуру, в единый массив, обозреваемый извне, со всех сторон, по кругу, а с другой — не лишает здание интерьера, но превращает интерьер из стройной системы несущих и несомых частей в пространственную метафору порыва или стремления, в которой артикулированность составляющих частей не нужна, поскольку критерием успешности создания метафоры порыва служит лишь сила ощущения этого порыва.

В результате применения описанных признаков башнеобразности, составляющих её сущность, здание делается «монументом самому себе» — замкнутой структурой, в которой воспринимаемая извне композиция и интерьер служат одной цели: архитектурному, пространственному выражению движения вверх, выражению приподнимания, взлёта, вознесения. Если средневизантийская архитектура VIII—XII вв. была архитектурой сбалансированной оболочки, а её произведения могут рассматриваться как грандиозные метафоры неба с включением в небо главного символа христиан-

8. Церковь Параскевы Пятницы в Чернигове.
Подкупольное пространство снизу вверх

ства — креста, то башнеобразные храмы остаются оболочками, но эти оболочки деформированы неким духовным порывом, который сообщает всей композиции вертикализм, а потому полностью нарушает баланс сил в оболочке, заставляя её вытягиваться вверх, растягиваться. При сохранении основных иконографических форм (столбы в интерьере, крест из сводов в завершении, венчающий храм и внутри и снаружи барабан с куполом) средневизантийский храм в своем башнеобразном варианте теряет в постигаемости (крест вверху почти не читается, купол-небо делается маленьким и помещённым очень высоко, к тому же на вытянутом барабане), но приобретает свойства векторной одухотворённости, порыва. Возникает экстремальный, осознанный пространственно динамизм, до этого сводившийся к плавным кругообразным движениям как самой архитектуры, так и взора воспринимающего, а теперь воплощённый

в подъёме всех форм на высоту, в самом сопоставлении храма и башни, в переходе одного в другое, когда моленное место становится вертикальным монументом, не утеревшим признаков сакральности, но приобретшим новое качество, сообщающееся и признакам сакральности. Всё пронизано вертикальностью: и интерьер, и объём извне, и отдельный неф, и столб, и барабан, и шелевидные окна (илл. 7). И в этой вертикальности заключены самые разные смыслы, образы и коннотации: и образ столпа (связанный с духовностью столпников), и охранительный, возвышенный образ надвратного храма (храма над башней), и образ освоенного Византией храма не над башней, а в башне (храмы в башнях, в пиргах, особых полуцерквах-полубашнях Афона, в которых ощущалось смешение оборонительной силы и трепетности веры).

Образ древнерусского башнеобразного храма конца XII — начала XIII в. извне, снаружи, когда

он видится единой устремлённой вверх структурой, созвучен написанным полтора столетия спустя, в середине XIV в. словам Григория Паламы о храме, построенном над местом погребения преподобного Петра Афонского. Приведём цитату из недавно переведённого «Слова на Житие преподобного Петра Афонского»: «На самом прекрасном участке земли святому воздвигли храм, на строительство которого каждый житель пожертвовал немалую часть своего имущества. Храм воздвигли чарующей красоты и украсили многоценными жертвованиями. И возвышается он не только над тем участком, но и над всей этой землёй, и над другими странами, где он [преподобный Петр Афонский — В.С.] вызывает восхищение, где его почитают ежегодным торжеством»⁴². Мы видим и в литературе, и в архитектуре один и тот же образ необычайно высокого храма-башни, храма-монумента (илл. 8).

В древнерусской письменности XII–XIII вв. дополнительная информация о высоте храма известна нам только в одной летописной статье Ипатьевской летописи. Эта статья 1198 г. рассказывает о построении князем Рюриком Ростиславичем большого каменного храма Апостолов в Белгороде под Киевом, епископского собора Белгородской епархии: «созда ц(е)рк(о)вь камену ст(ы)хъ ап(о)с(то)ль еп(и)с(ко)пья Белгородская великымъ св(я)ш(е)ниемъ бл(а)ж(е)нымъ митрополитомъ Никиформъ, еп(и)с(ко)помъ Андреяномъ тоя ц(е)ркви столь добре правяща, еп(и)с(ко)помъ Юрьевскимъ, создане еи бывши бл(а)говернымъ и хр(и)столюбивымъ княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ, высоту же и величествомъ и прочимъ оукрашениемъ всемъ в див оудобрене...»⁴³. В этом почти стандартном тексте о построении и украшении благоверным князем каменного храма неожиданными кажутся слова о его «высоте и величестве», если не противопоставляющие, то сопоставляющие эти два понятия. Кажется, что высота в этот период, на рубеже XII–XIII вв., уже осознавалась как часть программы: чем выше, тем значительнее, может быть, даже — чем выше, тем величественнее.

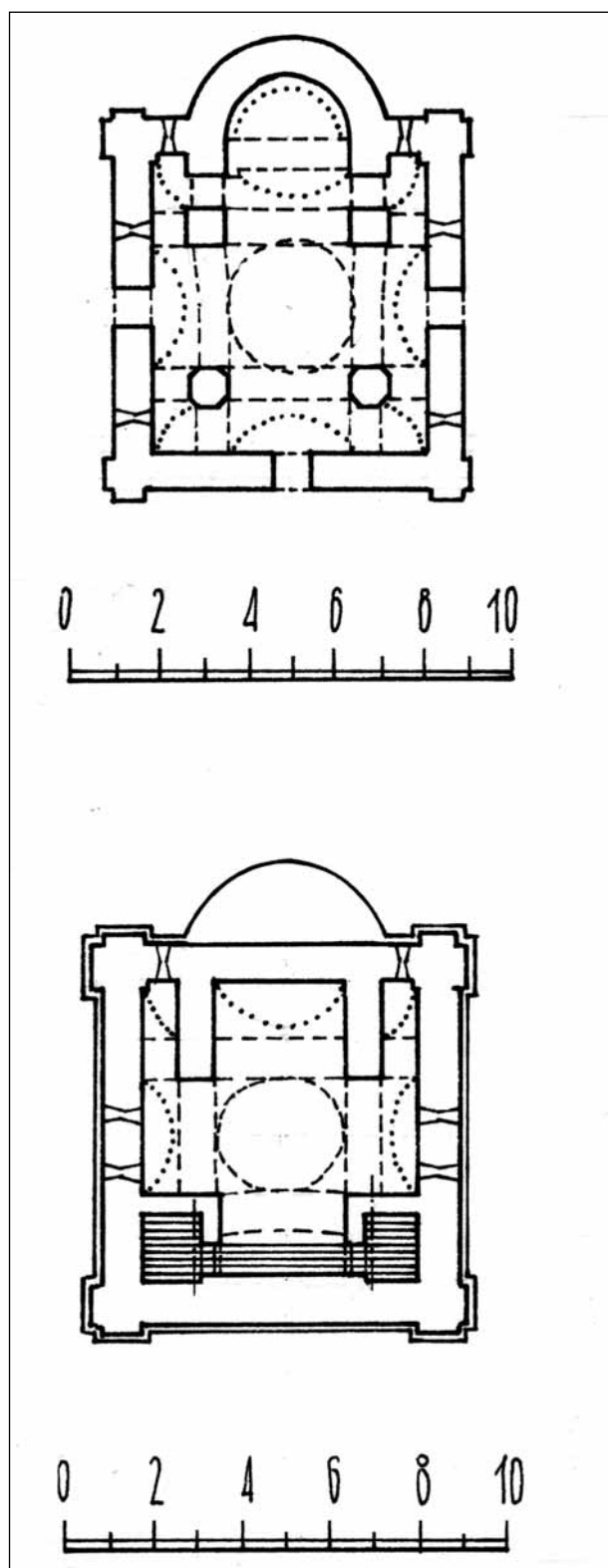
Присутствовал в образе башнеобразного, вертикально ориентированного храма и осознававшийся, видимо, нечётко, но всё же, кажется, продуманный и прочувствованный мастерами и заказчиками смысл вытянутости как духовности, как антитезы крепкой сбитости, мужественности. Т.е. в образе башнеобразного храма присутствовала метафора духовности, с чем связаны и весь отмеченный порыв, динамичность этой архитектуры. Она обладает повышенной спиритуальностью по-

9. Церковь Рождества Богородицы на Перыни.
Подкупольное пространство снизу вверх

стольку, поскольку место молитвы она оформляет не как гармоничную модель гармоничного мироздания, а как — одновременно — путь вверх, и как завершающую этот путь удалённую сень над молящимися, удалённую так, что речь идет уже не покровении, не о небесах, касающихся стен храма и воздвигнутых над ним, а об удалённых, вознесённых в недостижимую высь небесах, парящих так высоко, что они делаются лишь туманной целью взгляда, столь долго скользящего по стенам, лопаткам и столбам, одновременно порывисто и долго вздымающимся к этому далёкому сферическикообразному завершению (илл. 9).

Церкви в Древней Руси виделись как подобие человеческой фигуры: их части определялись в источниках как «глава» или «лоб» (купол, иногда купол с барабаном вместе), «шея» (барабан, трибун главы) и «плечи» (это кровля, закомары, всё что над основным телом храма). Это антропоморф-

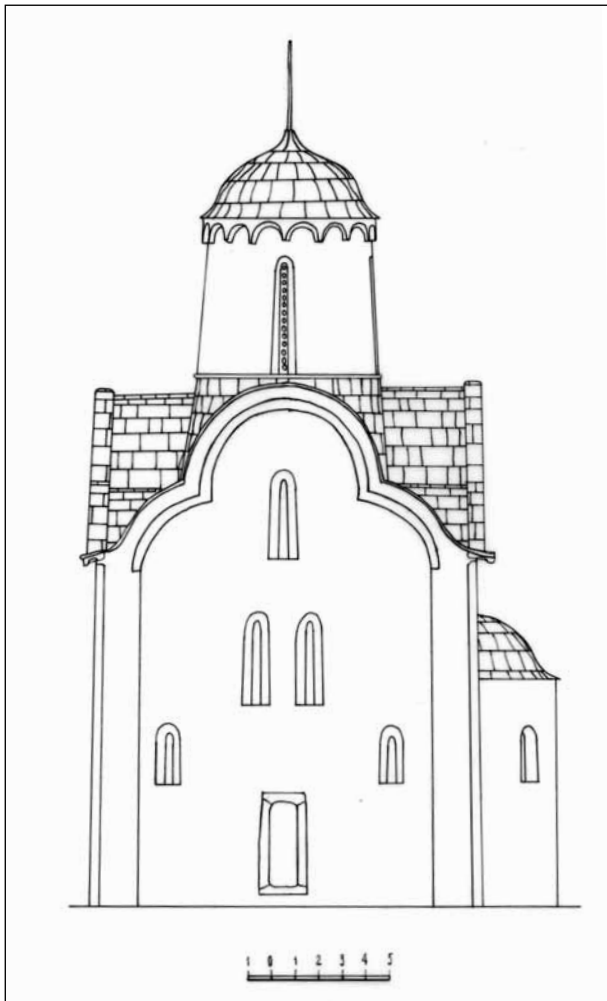

10. Церковь Рождества Богородицы на Перыни.
План, план по уровню хор пространство

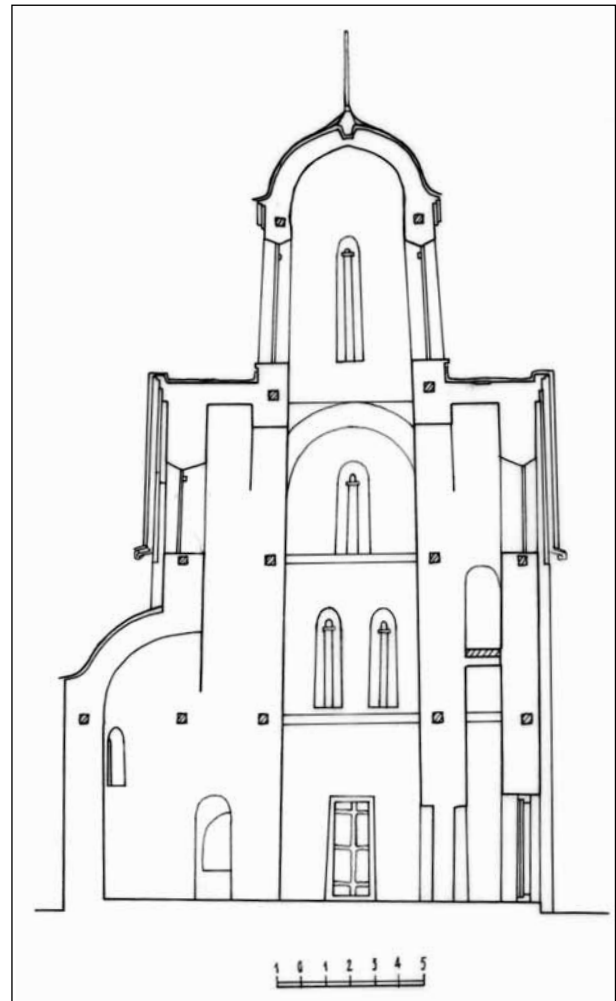
ное представление пришло на Русь, видимо, из Византии, где есть многочисленные упоминания о «златоглавых» храмах, то есть купол там воспринимали как главу).

Можно ли распространить антропоморфность древнерусских определений частей храма на его пропорции? Если храм в принципе антропоморфен, то, что же означают его пропорции: совершенного человека или нечто иное? Если в византийской живописной системе вытянутые пропорции тела были связаны с духовностью, возвышенностью изображаемых персонажей⁴⁴, то такую же связь со спиритуализмом византийской и древнерусской культуры можно видеть в не столько стройных, сколько подчеркнута вертикальных, возвышенных пропорциях ряда древнерусских храмов⁴⁵. Эта связь между вытянутыми пропорциями конкретного церковного здания и духовностью, спиритуализмом, мистикой Церкви вообще воспринималась заказчиками и мастерами на подсознательном, невербальном уровне, но думается, что она существовала, и что именно она давала импульс к созданию таких аристократических по формам и спиритуалистических по духу и пропорциям церквей.

Предполагая такую связь между антропоморфными пропорциями храма и пропорциями в живописи, мы должны предложить и способ осознания таких пропорций мастерами и заказчиками. И те, и другие имели перед глазами (реально или мысленно — неважно) ряд храмов предшествующего времени, в которых пропорции и общий образ варьировались достаточно широко. На этом фоне возникающий новый образ вертикального, вытянутого храма должен был восприниматься как выражение духовной направленности мыслей заказчика и самих мастеров, как метафора спиритуальной сосредоточенности. Эта архитектура будто пересказывает слова Симеона Солунского, византийского богослова начала XV в., который говорит, что в «этих вещественных храмах присутствует благодать; нисходя, она пребывает в них и действует ради нас, по благоволению Отца, по милости Воплотившагося за нас и сугубо возсоздавшего нас, и по наитию и щедротам содействующаго и нераздельнаго с Ним Духа»⁴⁶. Благодать, кажется, передавалась в архитектуре того времени теми же способами, что и на иконах: с помощью утончившихся фигур и вытянутых пропорций. Это спиритуалистическое направление в византийской архитектуре фиксируется в XIII в., оно было связано с повсеместным повышением пропорций храмов, созданием башнеобразных композиций.⁴⁷

11. Церковь Рождества Богородицы на Перыни.
Южный фасад

13. Церковь Рождества Богородицы на Перыни.
Продольный разрез

Всё сказанное относится, видимо, ко многим башнеобразным храмам, но большинство из них находятся в виде руин в земле, они исследованы археологами и мы лишь предполагаем, что они были таковыми, а небольшая часть известна частично, фрагментарно или почти на всю высоту, но всё же с утратами (церкви Василия в Овруче, Параскевы Пятницы в Чернигове, Михаила Архангела в Смоленске и Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде Великом). Сам тип впервые, кажется, появился на Руси в 1150–1160-е гг., он в какой-то мере присутствует уже в церкви Спасо-Преображения Евфросиниева монастыря в Полоцке⁴⁸.

Сравнение Перынского храма с Евфросиниевым очень показательно: если не брать во внимание разницу размеров (Перынский храм намного меньше)

и то, что в Полоцке храм имеет притвор с запада, а в Перыни его нет, то окажется, что структура обоих храмов имеет много общих черт (гранёные в нижней части столбы с запада, хоры с приделами, выделенный стенами пространственный крест, пониженные подпружные арки, одноапсидность).

Окна с двойным растробом, вовне и внутрь, появившиеся, по всей видимости, впервые в церкви Евфросиниева монастыря, есть и в церкви Перынского монастыря, но подобные окна представляли к моменту постройки храма на Перыни уже долгую традицию (мы приводим данные только о памятниках южнорусской, «плинфяной» архитектуры, во владими́ро-суздальских белокаменных храмах они тоже играют заметную роль): они использовались и в церкви Благовещения в Витебске (вторая четверть XII в.?)⁴⁹, и в церкви Василия

12. Церковь Рождества Богородицы на Перыни. Вид с востока

(Трехсвятительской) в Киеве (1183 г.)⁵⁰, и в церкви Михаила Архангела в Смоленске (конец XII в.)⁵¹, и в церкви Василия в Овруче (рубеж XII—XIII вв.)⁵², и в церкви Параскевы Пятницы в Чернигове (рубеж XII—XIII вв.)⁵³, и в церкви Параскевы Пятницы на Торгу в Новгороде (1207 г.)⁵⁴, и при частичной переделке (сужении проёмов) новгородского храма Николы на Дворище в первой трети XIII в.⁵⁵ Эта традиция, отразившаяся в окнах Перыни, нашла себе продолжение в окнах новгородских храмов первой половины XIV в.: они есть и в церкви Николы на Липне 1292 г.⁵⁶, и в церкви Николы Белого 1312—1313 гг.⁵⁷, и в церкви Благовещения на Городище 1342—1343 гг.⁵⁸ (илл. 10).

Но есть и существенные отличия, показывающие, что Перынский храм является постройкой более поздней и, подчеркнём это, более развитой фазы развития древнерусских башнеобразных храмов. Во-первых, Перынский храм не имеет постамента под барабаном, и трёхлопастная форма здесь уже перешла на покрытие всего здания, создав тем самым оригинальное завершение собственно «тела» храма и облегчённый переход от основного объёма к барабану (илл. 11). Такое же завершение с достаточной долей вероятности было у церкви Пятницы в Чернигове (но там были ещё и ступенчатые кокошники, обусловленные повышенными подпружными арками под барабаном) и в церкви Михаила Архангела в Смоленске. Последний памятник по своему завершению, сохранившемуся частично, был ближе всего к Перынскому храму, он может считаться прообразом и предшественником (конечно, более крупным и архитектурно более сложным) этой новгородской постройки.

Во-вторых, об этом свидетельствует устройство апсиды: в Перынском храме она понижена относительно основного объёма (илл. 12, 13). Над ней в тимпане средней лопасти устроено «восточное окно», которое вместе с окнами на трёх других фасадах создаёт крестообразное освещение верхней зоны храма, в которой крестообразно расходящиеся от барабана своды подчёркиваются ещё и светом (илл. 14). Единственная пониженная апсида — форма более развитая, чем высокая апсида храма в Полоцке. В Полоцке одноапсидность если и обыгрывалась художественно, то только в интерьере, где алтарный выступ сливался с внутренним пространством четверика, тогда как в Перыни компактная маленькая апсида небольшой высоты рассматривается (и подаётся) мастерами как дополнение к центрическому объёму, цельному, компактному, вытянутому и эффектно завершаемому высоким барабаном с куполом. Все

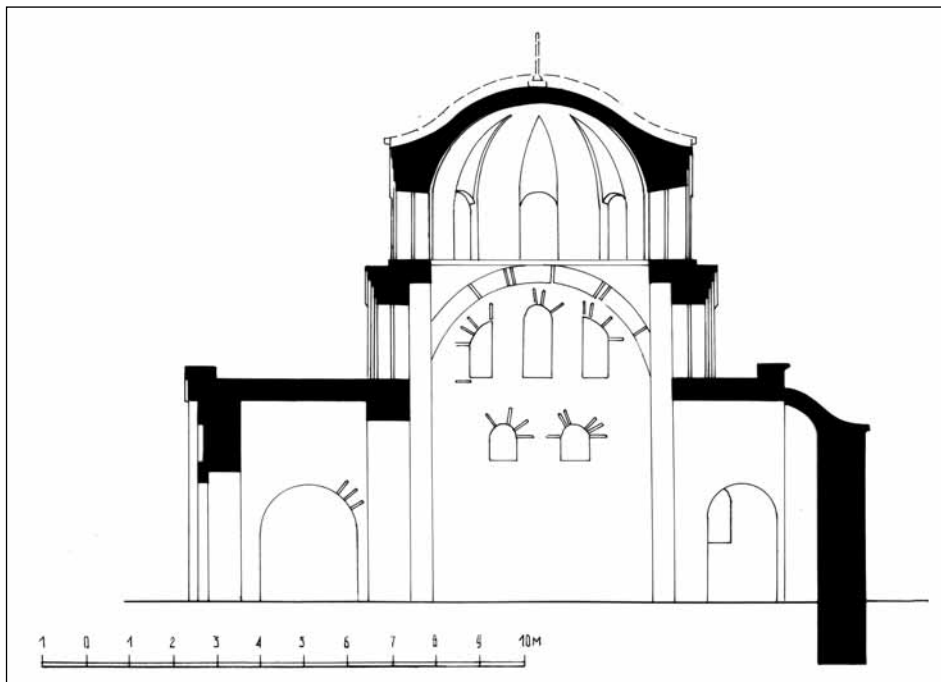
14. Церковь Рождества Богородицы на Перыни.
«Восточное окно» в интерьере

фасады Перыни примерно одинаковы, зритель видит их идентичность и получает представление о центричности этой башнеобразной композиции. Всего этого в Спасо-Евфросиниевом монастыре не было.

Некоторые названные формы Перыни отсутствуют и в известных нам хорошо сохранившихся храмах башнеобразного вида. Так, в Смоленске в церкви Михаила Архангела алтарь состоит из высокой средней апсиды с полукружием и двух боковых внешне прямоугольных и пониженных апсид. Это, конечно, более развитая форма алтаря по сравнению с той, что мы видим в Перыни, но только с точки зрения противопоставления столичной (константинопольской) традиции (с центричностью наоса и вынесенным и развитым к востоку алтарем) и провинциальной (с сокращённым алтарным выступом и наосом, занятым в восточной трети алтарными помещениями). А с точки зрения цельности образа, причем образа внешнего, храм на Перыни обладает рядом преимуществ: уже описанная выше зримая центричность объёма если и нарушается выступом апсиды, то лишь частично.

15. Церковь Николая
в Куршумлии. Вид с востока

16. Церковь Николая
в Куршумлии.
Продольный разрез

Объём наоса замкнут в самом себе, его восточный фасад такой же, как боковые и западный, он лишь осложнён или дополнен необходимым полукруглым выступом, но в принципе может существовать и без него (например — если внутренние полукружия апсид сделаны в толще стены).

Очень важна проблема «восточного окна» в люнете верхней арки трёхлопастной кривой восточного фасада Перынского храма. В двух других сохранившихся храмах башнеобразного типа — церкви Параскевы Пятницы в Чернигове и храме Михаила Архангела в Смоленске — мы такого окна не видим. В дальнейшем в новгородской архитектуре конца XIII — XV в. «восточное окно» получит широкое применение⁵⁹, но откуда же оно происходит?

Следует оговориться: вряд ли этот приём возник именно в Перыни; вероятно здесь мы видим повторение подобного приёма в одном из более ранних памятников, но следует подчеркнуть и то, что в названных выше храмах его не было, а это значит, что его употребление связано именно с попыткой решить проблему центричности храма, причем не столько внешнюю, сколько внутреннюю, интерьерную. Ведь подобное окно на восточном фасаде позволяет не только решить восточный фасад идентично другим фасадам, но и организовать крестообразное, то есть центрическое, присутствующее центричности освещение.

«Восточное окно» встречается в византийской архитектуре, хотя и не очень часто. И всегда его появление связано, на наш взгляд, с повышенным вниманием мастеров к проблеме центричности интерьера, а также с вытекающим из осознания этой проблемы композиционным требованием понижения алтарного выступа, чем подчёркивается обособленность самостоятельность основного объёма храма. Мы можем указать на построенную византийскими мастерами в 1160–1170-е гг. церковь Николая в Топлице (нынешней Куршумлии) в Сербии⁶⁰ (илл 15–17). Архитектура этого храма, относящегося к типу «компактный вписанный крест», «настроена» на центричность основного объёма, увенчанного широким куполом на невысоком и просторном барабане, а потому наличие тройных окон в люнетах «закомар» всех четырёх фасадов отражает это стремление к центричности и замкнутости объёма наоса. Примерно то же стремление к полной центричности видим и в церкви монастыря Св. Наума на Охридском озере (Македония), сооружённой в XIII в.⁶¹, и в южной придельной церкви монастыря Богородицы Паммакарistos в Константинополе, построенной

около 1315 г.⁶² Есть восточное окно и в бесстолпной церкви монастыря в Полошко в Македонии (XIII–XIV вв.)⁶³ с вытянутым в продольном направлении объёмом, но здесь эта форма появилась, вероятно, в результате влияния, например, таких памятников как церковь монастыря Св. Наума Охридского. Приведённый список аналогий «восточного окна» Перыни показывает, что это сооружение и его вероятные прототипы-образцы были выстроены не с «оглядкой» на византийские примеры, но с таким же пониманием задач центричности. Храм на Перыни находился в русле поисков архитектуры византийского мира.

Не менее интересна, но даже более таинственна и запутана проблема происхождения сводов с сечением в четверть окружности (так называемых полукоробовых), которые в Перынском храме так перекрывают угловые помещения, что при поперечном разрезе образуют со сводами рукавов креста сечения, похожие на базиликальные. Полукоробовые своды Перыни требуют объяснения, особенно потому, что для древнерусской

17. Церковь Николая в Куршумлии.
Интерьер с «восточным окном»

18. Церковь святых Феодоров в Афинах. XI в. Фронтон западного фасада с трехлопастной аркой.

На правой полосе:
19. Планы храмов (слева направо): храм у устья реки Чуриловка в Смоленске; храм Рождеств Богородицы на Перыни; южный придел собора на Протоке в Смоленске

домонгольской архитектуры они являются единственным достоверным примером подобного типа перекрытий.

Только в двух других домонгольских храмах башнеобразного направления есть подобные своды или свидетельства их существования в прошлом. В церкви Параскевы Пятницы в Чернигове, вероятно, были аналогичные своды с сечением в четверть окружности⁶⁴. Полукокоробовые своды, выполненные в кирпиче XVIII в., есть и в храме Михаила Архангела в Смоленске, построенном в конце XII в. Исследовавший этот памятник С.С. Подъяпольский приводит ряд доказательств в пользу того, что в храме с самого начала были подобные своды⁶⁵. Следует признать значительную вероятность подобного устройства перекрытий боковых ячеек.

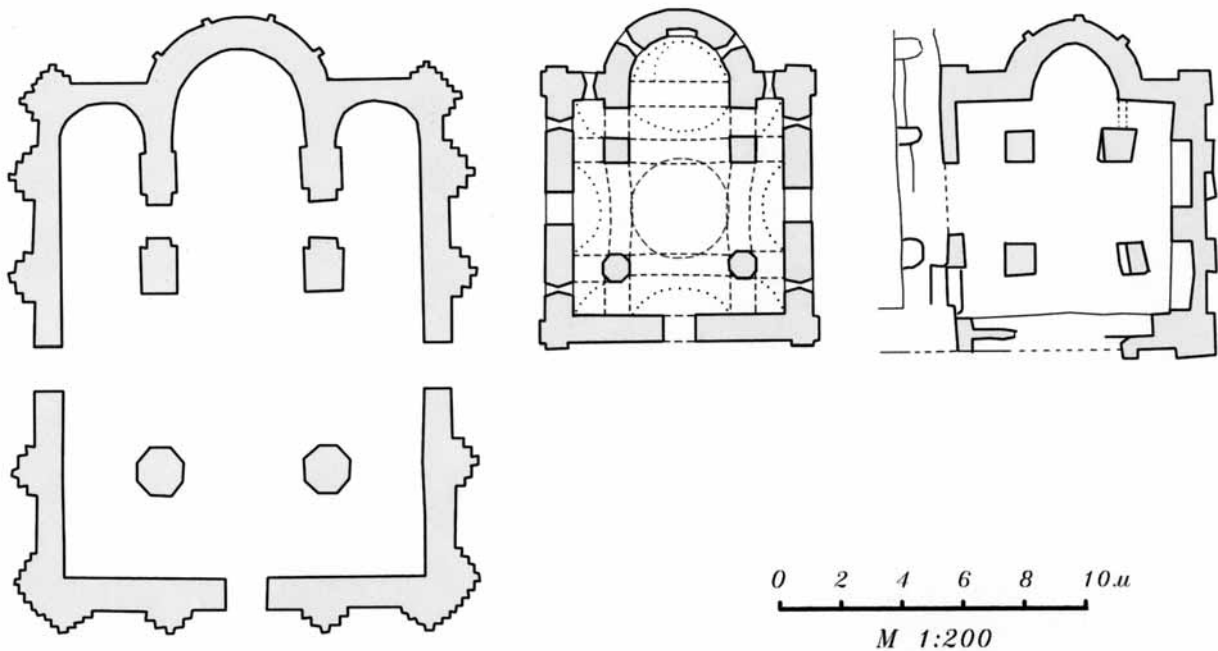
Как видим, полукокоробовые своды есть (с определенной долей вероятности) в двух других древнерусских храмах башнеобразного типа. Но следует ли объяснить их появление романским влиянием, как это следует сделать с окнами с двухраструбным сечением, или полукокоробовые своды пришли из другого источника?

Арки в четверть окружности и полукокоробовые своды есть в Софии Новгородской, сооруженной в 1045–1050 гг. Эти своды и арки иногда связывают с влиянием романской архитектуры латинского

Запада, но О.М. Иоаннисян, внимательно исследовавший вопрос о возможном романском влиянии в Софии, пришел к выводу о конструктивных причинах возникновения подобных сводов в этом памятнике⁶⁶. Это означает, что полукокоробовые своды в Новгороде в середине XI в. появились не с Запада, а созданы на месте зодчими византийского круга (и, вероятно, греками).

Следует отметить, что в византийской архитектуре встречаются своды с сечением в четверть окружности и арки подобной формы. Такие арки (аркбутаны) были расположены диагонально вокруг барабана купола Софии Константинопольской (здесь они появились, вероятно, в XV в.), кроме того, аркбутаны зафиксированы и в нескольких других памятниках как средневизантийской, так и поздневизантийской архитектуры. Их мы находим: в XI в. в Софии Киевской, в Софии в Салониках (арки IX в.?), в XIV в. в церкви Ильи Пророка в Салониках⁶⁷.

Известны в византийской архитектуре (как средневизантийского, так, в основном, и поздневизантийского периода) храмы и притворы с базиликальным разрезом, разделенные на три «нефа» подпружными арочками, причем средняя часть этих храмов и притворов перекрыта продольно ориентированным коробовым сводом, а пониженные боковые — полукокоробовыми, что вместе и

образует базиликальный разрез. Подобное устройство сводов имеет целый ряд церковных притворов XIII–XIV вв. и даже несколько храмов (наосов) в Северной Греции, на греческих островах и в Болгарии.

Самым ранним известным нам памятником византийской архитектуры с использованием полукоробовых сводов, причем как в притворе, так и в самом храме, является церковь Таксиархов в Кастории, датируемая X–XI вв.⁶⁸ Здесь и сам наос имеет в боковых нефках полукоробовые своды, и в несколько более позднем, но всё же средневизантийском притворе применена та же композиция из среднего коробового и боковых полукоробовых сводов. К средневизантийскому времени, к XI–XII вв. относится и базиликальная церковь в Лютиброде в Болгарии, в которой боковые нефы трехнефного здания перекрыты полукоробовыми сводами⁶⁹.

Наиболее раннее свидетельство о существовании подобного устройства сводов притвора на Руси следует видеть в притворе киевской церкви Спаса на Берёстове начала XII в., где на западной стене храма остались следы трёхлопастного очертания примыкавших сводов притвора, породившие многочисленные предположения и реконструкции⁷⁰. Кажется, что наиболее простым решением будет предположение о при-

сутствии здесь полукоробовых сводов в угловых делениях этого притвора (т. е. устройство этого притвора повторяло устройство притвора церкви Таксиархов в Кастории).

В собственно поздневизантийской архитектуре притвор с базиликальным разрезом известен в Месемврии (Несебре), в церкви Св. Параскевы XIII–XIV вв. (здесь в средней части расположен купол, тогда как в боковых частях своды полукоробовые)⁷¹.

В Эпире, архитектурная самостоятельность которого связана с существованием в XIII–XV вв. так называемого Эпирского деспотата, сохранился целый ряд храмов, имеющих базиликальный разрез наоса, т. е. перекрытых так же, как притвор в Месемврии. Таковы храмы Иоанна в Костаниане (XIII–XIV вв.) и Успения в Врахогоранци XV в., а также собор монастыря Филантропинон на острове близ Янины⁷². Последний имеет, кроме базиликального разреза нефа, сложившегося в результате обстройки однефного ядра конца XIII в. двумя боковыми нефами XIV в. с полукоробовыми сводами, ещё и притвор с базиликальным разрезом, сооружённый одновременно с боковыми нефами, т. е. где-то в середине XIV в. Можно назвать ещё один памятник рядом с Эпиром — церковь Св. Афанасия в селении Базилико в Северной Греции, относящуюся к XIII–XIV вв.⁷³

Несколько памятников с базиликальным разрезом известны и на острове Крит. Базиликальный разрез имеет весь храм Иоанна Богослова в Фурни, датируемый приблизительно серединой XIV в.⁷⁴, а также церковь Св. Георгия в Камариотисе (XIII в.?)⁷⁵. Есть на Крите и храм крестовокупольной системы (на четырёх опорах), притвор которого (экзонартекс) имеет базиликальный разрез — с коробовым сводом в средней части и полукобовыми сводами — в боковых. Эта часть храма Св. Георгия в Каламасае может датироваться XIII—XIV вв.⁷⁶

Подобное устройство сводов в притворах встречается и в псковской архитектуре первой половины XVI в.⁷⁷, где оно появилось, вероятно, под влиянием более ранних сооружений, в которых, в свою очередь, такие своды стали применяться под влиянием архитектуры Балкан. Притворы с такими сводами есть у четырёх памятников псковской архитектуры: у церкви Св. Козьмы и Дамиана с Примостья в Пскове (притвор здесь не одновременен храму 1462—1463 гг., а сооружён после пожара 1507 г.), у церкви Ильи Пророка в погосте Кривовицы (1527 г.), у церкви Св. Николы со Усохи (1536 г.) в Пскове, и, наконец, у церкви Св. Анастасии Римлянки в Пскове, построенной около 1539 г.

Для нашего исследования важно, что так называемый базиликальный разрез и полукобовые своды были известны в византийской архитектуре, причем довольно ранней, а поздневизантийские памятники следует рассматривать не как результат подражания архитектуре Запада, а как продолжение традиции, существование которой мы фиксируем и в Софии Константинопольской и Софии Новгородской. Появление таких сводов в храмах рубежа XII—XIII вв. можно объяснить усилением конструктивных исканий, в результате которых византийские формы (даже полузабытые или малоиспользуемые) включались мастерами в новый контекст и служили новым выразительным и конструктивным задачам. Начало применения полукобовых сводов в угловых членениях древнерусских памятников типа «вписанный крест» следует отнести к концу XII в. или к самым первым годам XIII в.

Точно так же следует рассматривать и процесс появления трёхлопастных арок в древнерусских башнеобразных храмах (среди которых Перынь представляет очень «чистый образец», в котором весь храм как будто «накрыт» четырьмя трёхлопастными арками). Эту форму в древнерусских памятниках мы впервые видим в середине XII в. в поста-

менте под барабаном собора Спасо-Евфросиниева монастыря⁷⁸. Потом она встретится нам и в завершении самого храма Михаила Архангела в Смоленске (и в постаменте под его барабаном) и в церкви Параскевы Пятницы в Чернигове.

Трёхлопастная форма широко известна в архитектуре романского Запада, но она была столь же широко распространена и в архитектуре Византии XII—XIII вв. На её широкое распространение на Балканах указывала еще Р.А. Кацнельсон⁷⁹. Укажем и на её присутствие на фасадах целого ряда храмов средневизантийского времени (XI—XII вв.) на полуострове Мани (церкви в селениях Эремос, Вамвака, Неас Пиргос)⁸⁰, в материковой Греции и в самих Афинах (храмы в Лукисии в Беотии, XI—XII вв., Агия Моне, 1143—1149 гг., и Мербака, второй половины XII в., в Арголиде, в Гастуни в Элиде, второй половины XII в., два храма XI в. в Афинах — Капникареа и Святых Феодоров⁸¹ (илл. 18). Следует подчеркнуть, что храмы XII в. в Греции получают более законченную форму трёхлопастной арки, завершающей рукава креста (церкви в Агия Моне, Мербаке и Гастуни). Это уже почти та самая форма, которую мы видим в древнерусских памятниках XII—XIII вв. Она родилась в Греции (Элладе) из «термальных» (полукруглых с тройным делением) окон собора монастыря Дафни XI в., т.е. возникла из столичного, константинопольского арсенала форм, но со временем, в XII в., в полупровинциальной Элладе она получила особенное преломление, став трёхлопастной разделённой аркой с нишами или окнами внутри. Поэтому появление такой же формы на Руси в середине XII в. (в Полоцке, на постаменте барабана Спасо-Евфросиниева монастыря) можно осторожно связывать не с Константинополем, а именно с Элладой. Трёхлопастная форма пришла в Новгород, вероятно, из южнорусских памятников (таких, как церковь Параскевы Пятницы в Чернигове и храм Михаила Архангела в Смоленске), но в Южную Русь она попала, скорее всего, из византийской архитектуры.

В церкви в Перыни трёхлопастная форма завершает каждый фасад одной линией, без введения промежуточных лопаток. В южнорусских храмах эти промежуточные лопатки, делящие фасады на прясла, кажутся обязательными. В Перыни же есть только крайние, фланкирующие лопатки. Такой приём оформления фасадов связан, вероятно, с небольшими размерами новгородского храма (8,4 × 8,4 м, подкупольный квадрат 2,8 × 2,8 м). Эти размеры можно рассматривать как своеобразный «минимум» для четырёхопорных хра-

20. Церковь Рождества
Богородицы на Перыни.
Вид с северо-востока

мов типа «вписанный крест». Похожие размеры в древнерусской архитектуре имеют только северо-западный и юго-западный придельные храмики монастырского собора на Протоке в Смоленске⁸², относящиеся к рубежу XII–XIII вв., но в них промежуточные лопатки на фасадах есть (по крайней мере — у юго-западного придела) (илл. 19). Так что Перынский храм можно считать одним из самых ранних храмов только с «фланкирующими лопатками». В дальнейшем иконографическая схема с крайними лопатками и трехлопастной кривой за-

вершения была использована новгородскими мастерами только в двух монастырских церквях рубежа XIII–XIV вв.: Николы на Липне и Рождества Богородицы в Порхове.

Нужно отметить, что сами лопатки в церкви Рождества Богородицы в Перыньском монастыре узкие, не такие широкие, как это было характерно для всех новгородских храмов середины — второй половины XII в. Смена широких лопаток на узкие произошла, очевидно, под влиянием всё тех же южнорусских памятников, но в них лопатки были пуч-

ковыми, что видим и в предшествующих Перыни новгородских храмах — Параскевы Пятницы (настоящие пучковые лопатки) и Михаила Архангела (упрощённые пучковые лопатки). Узкие лопатки Перыни, таким образом, — это следствие влияния южнорусских башнеобразных храмов и, одновременно, — результат упрощения сложной пучковой, многообломной формы. Характерно, что новгородские мастера так и не вернулись к широким лопаткам и в дальнейшем фасады украшали только узкими лопатками, так что и здесь храм на Перыни стоит в начале новой традиции.

Отдельно следует сказать о восьмигранных западных столбах церкви на Перыни. Они, безусловно, подражают столбам-колоннам византийских храмов⁸³, но их форма имеет южнорусское происхождение: в качестве аналогии укажем на восьмигранные столбы церкви у устья Чуриловки (рубеж XII—XIII вв.) в Смоленске⁸⁴ или восьмигранные столбы с узкими диагональными гранями (столбы с фасками) в церкви Параскевы Пятницы в Чернигове и церкви в Путивле (рубеж XII—XIII вв. и начало XIII в. соответственно⁸⁵). Форма столбов храма на Перыни заставляет предположить существование каких-то других памятников южнорусской традиции на новгородской почве, в которых «четырёхколонный» тип церкви Параскевы Пятницы на Торгу (на самом деле с четырьмя круглыми столбами, но явно имитирующими колонны) был сокращён до типа «двухколонного», причём с запада располагались не круглые столбы, а восьмигранные (что, заметим, с точки зрения средневековых мастеров — почти одно и то же). Западные столбы храма на Перыни довольно короткие, выше они превращены в отрезки стен, несущих хоры, но они довольно заметны в небольшом интерьере и выполняют свою роль усиления прозрачности западной части наоса. Эти столбы дали начало многочисленным повторениям в архитектуре Северо-Западной Руси: только в церкви Николы на Липне 1292 г., прямо ориентирующейся на храм на Перыни, мы видим восьмигранные столбы, а затем уже в виде круглых столбов под хорами мы видим этот мотив в десятках храмов Новгорода и Пскова XIV—XVI вв.

Итак, в Перыньском храме очень многое «пришло» из Южной Руси и Византии: и двухраструбные окна (пусть они в далёком прошлом произошли из романской архитектуры, в Новгороде они появились уже из южнорусского зодчества), и одноапсидная форма алтаря, и «восточное окно», и трёхлопастная форма завершения фасадов, и восьмигранные западные столбы. Мы видим здесь

пример переноса форм некоего «большого стиля» в другую местность.

Собственно новгородского в Перыни формально не так уж много: техника кладки, традиционное расположение окон на фасадах, может быть — характер хор в виде досчатой площадки на половине высоты западного рукава креста и двух приделов-палаток в угловых частях). Но есть ещё необыкновенно сильный новгородский, не вполне отчетливо осознаваемый нами, северный дух, заставивший мастеров «очистить» храм от дополнительных, рафинированных и разработанных форм, заставивший их свести композицию к композиционному и иконографическому минимуму.

Этот минимум средств подчеркнут одним, но чрезвычайно выразительным приемом: постепенным отклонением стен внутрь храма, создающим пирамидальность как основного объёма храма, так и его апсиды и барабана. Эта пирамидальная форма даёт представление о мощи небольшого здания, сообщает ему дополнительную устойчивость, а его башнеобразности — при помощи перспективного сокращения, усиленного пирамидальностью объёмов, — придаёт некую крайность, «аффектированность» (илл. 20).

Пирамидальная форма здания — очень сильный художественный приём, но встречается он не повсеместно. В византийской архитектуре мы не знаем примеров употребления этого приёма. Кажется, что этот приём связан с варваризацией⁸⁶, что это *tour de force*, приложение силы, связанное с молодыми средневековыми культурами, воспринимающими образ, который пришёл из старых культурных центров, и усиливающими, иногда утрирующими его. Мы можем увидеть пирамидальную форму в романской архитектуре Дании и Швеции⁸⁷, где она придаёт невиданную мощь скромным по размерам и композиции зданиям. Мы видим пирамидальность (помимо Перыни) в другом известном нам домонгольском храме — в церкви Параскевы Пятницы 1207 г. в Новгороде — в притворах и основном объёме. В Новгороде пирамидальность объёма в начале XIV в. обнаруживаем только в церкви Николы Белого 1312–1313 гг. (а это значит, что приём был не столь уж распространённым, использовался редко). Позднее, уже в раннемосковской архитектуре встречаем пирамидальность в двух самых скульптурных памятниках начала XV в. — церкви Св. Николая в селе Каменское и в Троицком соборе Троице-Сергиевой Лавры. В XVI в. пирамидальность проявляется на Севере, в Спасо-Преображенском соборе Соловецкого монастыря (1558–1566 гг.), а в

21. Подкупольное пространство церкви Рождества Богородицы на Пeryни

XVII в., видимо, под влиянием последнего, она составляет основу образа Крестовоздвиженского собора Кий-островского монастыря (около 1660 г.).

Думается, что нет оснований связывать пирамидальность только с западноевропейской романикой (её примитивным, северным вариантом); скорее в пирамидальности древнерусских памятников мы видим сходный ответ варварской, молодой культуры на вызовы рафинированной архитектуры постримских земель и культур. В Пeryни пирамидальность появилась, вероятно, как результат подражания таким храмам как церковь Параскевы Пятницы на Торгу. Однако этот приём в Пeryни приобрёл самодовлеющее значение, он вступил в союз с минимализмом новгородских мастеров, а потому оказался среди основных средств художественного воздействия этого удивительного памятника, композиция которого построена на сочетании немногих форм, создающих эффект единой, очищенной от деталей формы.

Это столь очищенная форма, что её можно было одеть в любое формально-стилевое «одеяние». Это минимализированная схема здания, относящегося по стилю к башнеобразным храмам. Минимум форм этого стиля: сама башнеобразность, вертикализм, пирамидальность, полопастное покрытие по трёхлопастной арке, полукоробовые своды. Одноапсидность является формой одного из вариантов стиля, тогда как восточное окно — редкой формой, встречающейся до того в исключительных случаях.

На эту минимальную группу форм, на эту обнажённую композицию, на эту схему башнеобразного храма в принципе могло наслоиться все что угодно, любые стилистические черты. Эта свобода интерпретации и обусловила принятие Пeryнского храма (или других, пока неизвестных подобных ему новгородских памятников того же времени) за основу дальнейших поисков новгородских зодчих. И в большинстве

памятников новгородского зодчества конца XIII — XV в., включая такие прославленные храмы как церкви Николы на Липне, 1292 г., Успения на Волотовом поле, 1352 г., Феодора Стратилата на Фёдоровой улице («на Ручье»), 1360–1361 гг., Спаса на Ильине улице, 1374 г., и Двенадцати Апостолов на Пропастях, 1454 г., мы видим в основе формы церкви на Пeryни. Сквозь их индивидуальные особенности проступают образ, каркас и структура «очищенного» ещё в начале XIII в. башнеобразного храма. Эту «очищенность», своеобразный минимализм нашли новгородские зод-

чие или в самом Пeryнском храме, или в его не-далних предшественниках. В любом случае, этот образ получился в результате последовательного процесса «новгородизации» южнорусского башнеобразного храма (на что должно было потребоваться время, около одного или двух десятилетий). Именно в силу своей действительной и осознаваемой заказчиками и мастерами «новгородскости», образ церкви на Пeryни и иконография её фасадов и интерьера стали основой для существовавшего в течение более двух столетий новгородского типа храма (илл. 21).

¹ Софийская Первая летопись старшего извода // ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стлб. 67; «Летописец Новгородский церквам божим» // Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 172; *Адам Олеарий*. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию. М., 1870. С. 80–81.

² *Седов В.В.* Древнерусское языческое святилище в Пeryни // КСИИМК. Вып. 50. М., 1953. С. 92–103; *Он же*. Новые данные о языческом святилище Перуна // КСИИМК. Вып. 53. М., 1954. С. 105–108. См. также: *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 252–278.

³ Новгородская Четвёртая летопись // ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 346. Относительно топографии монастыря: *Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А., Силаева Т.В.* Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // НИС. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 101.

⁴ *Макарий, архимандрит*. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. М., 1860. Ч. 1. С. 425 (далее — *Макарий*, 1860); *Розов Н.Н.* Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 136, 142 (РНБ, Соф. 191) (далее — *Розов*, 1981).

⁵ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 545.

⁶ Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 87.

⁷ *Опись Новгорода 1617 года*. М., 1984. Ч. 2. С. 325; *Анкудинов И.Ю.* Роспись новгородских церквей 1615 г. // НИС. Вып. 11 (21). СПб., 2008. С. 374.

⁸ *Опись Новгорода 1617 года*. М., 1984. Ч. 1. С. 119.

⁹ Там же. Ч. 2. С. 254.

¹⁰ Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв. Сборник документов / Сост. И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003. С. 36.

¹¹ Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 307 (далее — Великий Новгород, 2007).

¹² *Анкудинов И.Ю.* Пригородные новгородские монастыри на планах Елизаветинского и Генерального межеваний // Новгородский архивный вестник. Вып. 5. Великий Новгород, 2005. С. 250–251.

¹³ *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877 (репр.: М., 2007). Стб. 106.

¹⁴ Летопись Новгородского Юрьева монастыря. СПб., 2008. С. 43.

¹⁵ Там же. С. 44, 48.

¹⁶ *Янин В.Л.* Новгородская феодальная вотчина. М., 1981. С. 261, 264.

¹⁷ *Макарий*, 1860. Ч. 1. С. 423–428.

¹⁸ Летопись Новгородского Юрьева монастыря. СПб., 2008. С. 70 (далее — Летопись, 2008).

¹⁹ Великий Новгород, 2007. С. 307–308.

²⁰ Летопись, 2008. С. 76, 95, относит их к 1830–1840-м гг. и сообщает об авторстве новгородского архитектора И. Соколова. См.: *Секретарь Л.А., Филиппова Л.А.* По Приильменью. Л., 1991. С. 50–52.

²¹ Вот для примера цитата из работы 1920-х гг.: «... до наших дней уцелела одна церковь, вероятно она подверглась перестройке в 1826 г., её надлежит еще научно обследовать» (Муравьев М.В. Новгород Великий. Л., б.г. [1927]. С. 60).

²² Кацнельсон Р. Древняя церковь в Пeryнском скиту близ Новгорода // АН. Вып. 2. М., 1952. С. 69–85.

²³ Там же. С. 80–81.

²⁴ Там же. С. 81–85.

²⁵ *Седов В.В.* Древнерусское языческое святилище в Пeryни // КСИИМК. Вып. 50. М., 1953. С. 92, примеч. 1.

²⁶ *Каргер М.К.* Новгород Великий. Л.: М., 1961. С. 28, 31–32.

²⁷ *Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 196, 215 (далее — *Гладенко, Красноречьев, Штендер, Шуляк*, 1964).

²⁸ Очерк о храме и реставрационных работах на нем см.: Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 500–501; *Секретарь Л.А.* Церковь Рождества Богородицы в Пeryни // Архитектурное наследие Великого Новгорода и Новгородской области / Сост. и науч. ред. М.И. Мильчик. СПб., 2008. С. 383–385.

²⁹ Автор охарактеризовал и проведенные им реставрационные работы: «Характерным примером сочетания консервационных и реставрационных работ может служить восстановление церкви Рождества Богородицы в Пeryни (первой половины XIII в.). ... Фотиевские переделки 1826–1828 гг. полностью лишили памятник всех его достоинств, и он воспринимался как самая заурядная постройка. Предполагалось восстановление главы и покрытия в поздних формах, вычinka полуразрушенных карнизов, установка столярных изделий, ремонт штукатурки. Этим работам был предложен встречный проект, предлагавший реставрацию указанных частей здания в первоначальных формах. Расчёт убедительно показывал, что стоимость реставрационных работ почти не превышала стоимости консервационных. К осуществлению был принят второй вариант. В результате памятник стал в ряд лучших экспонатов древней новгородской архитектуры. Интерьер церкви и некоторые формы на фасадах законсервированы. Их реставрация будет выполнена на втором этапе» (*Красноречьев Л.Е.* Опыт реставрационных работ Новгородской мастерской // Вопросы охраны, реставрации, пропаганды памятников истории и культуры. Вып. II. М., 1970. С. 81).

³⁰ *Штендер Г.М.* Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). М., 1981. С. 56: «Работы на церкви Рождества в Пeryни (Р.А. Кацнельсон и Л.Е. Красноречьев, 1940–1960-е гг.) затронули пока лишь экстерьер. Здесь сохранились почти все подлинные формы, и реставрация свелась не столько к новым дополнениям, сколько к раскрытию древних частей, освобождению их от позднейших надкладок и крайне незначительной реконструкции отдельных участков карниза, реставрации главы по форме сохранившегося купола, правильность чего подтверждена следами в натуре. Правда, обмазку стен из-за поздних облицовок пришлось делать заново. Теперь в памятнике можно видеть один из древнейших примеров посодного трёхлопастного покрытия и главы. Ему возвращена цельность произведения средневекового искусства. Несохранившийся притвор справедливо не был восстановлен. Благодаря хорошей сохранности древних форм верхней части здания реставрация Пeryнской церкви можно считать образцом чистоты аналитического метода».

³¹ *Штендер Г.М.* Архитектура Новгородской земли XI–XIII вв. Автореферат дисс. ... канд. архитектуры. Л., 1984. С. 14.

³² В этой статье П.А. Раппопорт указывает на перестройки храма в XVI и XIX в., сообщает о реставрации храма в 1948–1961 гг. (Р.А. Кацнельсон и Л.Е. Красноречьев), о том, что в 1948 г. под руководством А.В. Арциховского внутри церкви были произведены археологические раскопки, а также о фрагментах древней, домонгольской фресковой живописи, как находящейся фрагментами на стенах храма, так и найденных в процессе раскопок и реставрации. См.: *Раппопорт П.А.* Русская архитектура X–XIII вв. Л., 1982. С. 75; он же. Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Вып. 1 (11). Л., 1982. С. 189–202 (краткое упоминание на С. 202).

³³ *Раппопорт П.А., Иоаннисян О.М.* О взаимосвязи русских архитектурных школ на рубеже XII и XIII вв. // Студеница и византийская уметност око 1200. године. Београд, 1988. С. 292.

³⁴ *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 106.

³⁵ *Комеч А.И.* Композиция фасадов новгородских церквей XII–XIII вв. // ДРИ. Художественная культура X — первой половины XIII в. М., 1988. С. 110–111.

³⁶ *Седов В.В.* Церковь Николая на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // ДРИ. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 393–412 (о церкви на Перьни: С. 394–398).

³⁷ *Brounoff N.* Un nouveau type d'église dans la Russie du Nord-Ouest au XII-ème siècle // Årsbok. Veteskaps-Societen i Lund. Lund, 1925; *Гладенко, Красноречьев, Штендер, Шуляк*, 1964. С. 202–214; *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 348–353 (далее — *Воронин, Раппопорт*, 1979).

³⁸ *Штендер Г.М.* О ранних Федоровских храмах древнего Новгорода // ПКНО. 1977. М., 1977. С. 443; та же шкала с некоторыми дополнениями приведена в ст.: *Штендер Г.М.* «Деисус» Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде // ДРИ. Монументальная живопись XI–XVII вв. М., 1980. С. 86.

³⁹ *Раппопорт П.А.* Археологические исследования памятников древнего новгородского зодчества // НИС. Вып. 1(11). Л., 1982. С. 198.

⁴⁰ *Демичева Н.Н.* Исследование памятников новгородского зодчества XII — начала XIII в. по данным об эволюции формата кирпича // СА. 1984. № 1. С. 221–222.

⁴¹ *Булкин В.А.* Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и новгородское зодчество начала XIII в. // ДРИ. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 377–392; о размере плитки — С. 380.

⁴² *Свт. Григорий Палама.* Слово на Житие прп. Петра Афонского. Святая Гора Афон, 2007. С. 129.

⁴³ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 706.

⁴⁴ См. главы «Византийская эстетика» и «Позднеантичное искусство и истоки христианского спиритуализма» в кн.: *Лазарев В.Н.* История византийской живописи. М., 1986. С. 15–35. Отметим: «Отныне в монументальной живописи получает преобладание человеческая фигура, в которой всячески подчёркивается духовное начало» — С. 25.

⁴⁵ Основанием для такого толкования могут быть и положения Псевдо-Дионисия Ареопагита о «несообразности изображения» и о «неподобных образах», которые «самим несходством знаков возбудить и возвысить душу» (*Бычков В.В.* Малая история византийской эстетики. Киев, 1991. С. 89–92). О византийских пропорциях см.: *Панофский Э.* История теории человеческих пропорций как отражение истории стилей // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. Статьи по истории искусства. СПб., 1999 (перевод книги: *Panofsky E.* Meaning of the Visual Arts. Garden City, N.Y., 1957). С. 77–128, особенно С. 91–96. Ср., напр.: «Канон пропорций предстаёт в данном случае не только как симптом Kunstwollen, но даже почти как носитель особой стилистической силы» (С. 95).

⁴⁶ Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалонийского-каго. СПб., 1856. С. 179–181.

⁴⁷ Об этом см.: *Седов В.В.* Архитектура Рашки: групповой «портрет» дальних «родственников». К феноменологии внутреннего пространства византийских храмов // Искусствознание. 1–2/07. М., 2007. С. 213–227. Анализ вертикальности зданий и их внутренних пространств можно развить, применив идеи гештальт-психологии (см., напр.: *Архейм Р.* Динамика архитектурных форм. М., 1984).

⁴⁸ Об этом храме см.: *Брунов Н.И.* Извлечение из предварительного отчета о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года. М., 1926; *Хозеров И.М.* К исследованию конструкции Спасского храма в Полоцке. Смоленск, 1928; *Воронин Н.Н.* У истоков русского национального зодчества // Ежегодник Института истории

искусств. 1952. М., 1952. С. 260–269; *Раппопорт П.А., Штендер Г.М.* Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке // ПКНО. 1979. Л., 1980. С. 459–468; *Штендер Г.М.* Новые материалы исследований церкви Спаса Преображения Евфросиньевского монастыря в Полоцке // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 2. М., 1982. С. 216–218; *Сарабянов В.Д.* Храм-реликварий преподобной Евфросинии Полоцкой. К реконструкции первоначального замысла Спасской церкви Евфросиньева монастыря // Образ Византии. Сборник статей в честь О.С. Поповой. М., 2008. С. 427–456; *Он же.* Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески. М., 2007; *Он же.* Храм-реликварий преподобной Евфросинии Полоцкой. О первоначальном замысле Спасской церкви Евфросиньева монастыря // Лазаревские чтения. Искусство Византии, Древней Руси, Западной Европы. 2008. М., 2008. С. 111–130.

⁴⁹ *Раппопорт П.А.* Церковь Благовещения в Витебске // ПКНО. 1985. М., 1987. С. 522–527; об окнах и чертеж одного из них: С. 524–525.

⁵⁰ *Асеев Ю.С.* Архитектура Южной и Западной Руси в XII–XIII вв. // ВИА. Т. 3. М., 1966. С. 570; *Он же.* Архитектура Київської Русі. Київ, 1969. С. 128, 130–131.

⁵¹ *Подьяловский С.С.* Церковь Архангела Михаила // *Воронин Н.Н., Раппопорт П.А.* Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 163–195; об оконных проемах — С. 186–187, план на с. 191.

⁵² *Раппопорт П.А.* Церковь Василия в Овруче // СА. 1972. № 1. С. 82–97, план на с. 86.

⁵³ *Барановский П.Д.* Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Пётр Барановский. Труды, воспоминания современников. М., 1996. С. 52; С. 274, Рис. 7 на с. 277, Рис. 13 на с. 281.

⁵⁴ *Гладенко, Красноречьев, Штендер, Шуляк*, 1964. Чертеж на с. 209.

⁵⁵ *Седов В.В., Скрипцова Е.В.* Закладка окон Николо-Дворищенского собора в Новгороде в начале XIII в. // Новгородские древности / Архив архитектуры. Вып. XI. М., 2000. С. 5–23.

⁵⁶ *Седов В.В.* Церковь Николая на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // ДРИ. Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 393–412.

⁵⁷ *Штендер Г.М.* Исследования и реставрация церкви Николая Белого в Новгороде // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 89–109.

⁵⁸ *Седов В.В.* Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999. С. 391–404.

⁵⁹ См.: *Седов В.В.* Об иконографии внутреннего пространства новгородских храмов XIII — начала XVI веков // Иконография архитектуры. М., 1990. С. 102–127.

⁶⁰ *Vulović B.* Crkva Svetog Nikole kod Kuršumlije // Zbornik Arhitektonskog fakulteta. III knjiga. 1956/1957. Beograd, 1957. С. 3–21; *Бошковић Ђ., Вуловић Б.* Царичин Град — Куршумлија — Студеница // Старинар. Нова серија. Кн. VII–VIII. Београд, 1956–1957. С. 173–180; *Дероко А.* Монументална и декоративна архитектура у средњовековној Србији. Београд, 1962. С. 50, 62–63, 105; *Бошковић Д.* Архитектура Србији и Македонији // ВИА. Т. 3. Л.; М., 1966. С. 434–435; *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. New Haven; London, 1986 (Revised edition with S. Curcic). P. 378; *Mango C.* Byzantine Architecture. N.Y., 1985. P. 176–177; *Ненадовић С.М.* Архитектура у Југославији од IX — XVII века. Београд, 1980. С. 43–44; *Korać V.* Réflexions au sujet des sources byzantines de l'architecture serbe // Еуфросиново. Аφιροσημα στον Μανολη Χατζηδημητρη. Т. I. Αθήνα, 1991. P. 264–265; *Чанак-Медућ М., Бошковић Ђ.* Архитектура Неманьог доба. I. Цркве у Топлици и долинали Ибра и Мораве / Споменици српске архитектуре средњег века. Корпус сакралних грађевина. Београд, 1986. С. 14–36.

⁶¹ *Злоковић М.* Старее цркве у области Преспе и Охрида // Старинар. Сер. III, кн. III (1924–1925). Београд, 1925. С. 143–147.

⁶² *Mango C.* The Monument and its History / Belting H., Mango C., Mouriki D. The Mosaics and Frescoes of St. Mary Pammakaristos (Fethiye Camii) at Istanbul / Dumbarton Oaks Studies, XVI. Washington, 1978.

⁶³ Црковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988. С. 123, 129.

⁶⁴ Достоверно зафиксированы полукоробовые арки между рукавами креста и угловыми компартиментом, тогда как о сводах этих угловых частей не говорится; в настоящее время такие своды есть в угловых помещениях храма, разрушенного в 1943 г. и реставрированного в 1940–1950-е гг.; нынешние своды, таким образом, построены уже реставраторами, но их существование в древнем храме (с опорой на арки подобной формы) очень возможно. См.: *Холостенко Н.В.* Архитектурно-

археологические исследования Пятницкой церкви в Чернигове (1953–1954 гг.) // СА. 1956. Вып. XXVI. С. 271–292. См. план на рис. 14 (с. 282) (обозначены полукобровые своды), а также разрез на рис. 15 (с. 283) и указание на с. 278 (арки-аркбутаны).

⁶⁵ Подьяпольский С. С. Церковь Архангела Михаила // Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 176–178.

⁶⁶ Иоаннисян О. М. К вопросу об элементах романской архитектуры Софийского собора в Новгороде // Искусство Древней Руси и его исследователи / Вопросы отечественного и зарубежного искусства. Вып. 6. СПб., 2002. С. 88–113, особенно с. 90–97. Здесь см. подробную библиографию предшествующих работ.

⁶⁷ Ćurčić S. Some Reflections on the flying Buttresses of Hagia Sophia in Istanbul // Sanat Tarihi Defterleri. 8 Özel Sayı. Metin Ahunbay'a Armağan. Bizans Mimarisi Üzerine Yazılar. İstanbul, 2004. P. 7–17.

⁶⁸ Μουτζολοπούλος Ν. Κ. Εξελίξεις της Καστοριάς 9ος–11ος αιώνας. Θεσσαλονίκη, 1992. Σ. 113–201.

⁶⁹ Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988. С. 25–28.

⁷⁰ Брунов Н. Беларуская архітэктура XI–XII ст. // Зборнік артыкулаў. Інстытут беларускае культуры. Менск, 1928. С. 267–307, о притворе Берестова — С. 286–287; Кацнельсон Р. А. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии // ВизВрем. Т. XII. М., 1957. С. 242–262; Асеев Ю. С., Харламов В. О. Нові дослідження церкви Спаса на Берестові // Археологія Києва. Дослідження і матеріали. Київ, 1979. С. 84–90; Штендер Г. М. Трехлопастное покрытие церкви Спаса на Берестове // ПКНО. 1980. Л., 1981. С. 534–544; Комеч А. И. Древнерусское зодчество конца X — начала XII в. Византийское наследие и становление самостоятельной традиции. М., 1987. С. 295–296.

⁷¹ Чанева-Дечевска Н. Църковната архитектура в България през XI–XIV век. София, 1988. С. 38–40, 171. Фиг. 27.

⁷² RBK. Lf. 10. Enkolpion (Schluss) — Epiros. Stuttgart, 1968. S. 295–296, 297–298, 310.

⁷³ Kupper H. M. Bautypus und Genesis der griechischen Dachtranseptkirche. Wien, 1996. Abb. 25.

⁷⁴ Gallas K., Wessel K., Borboudakis M. Byzantinisches Kreta. München, 1983. S. 427–428.

⁷⁵ Ibid. S. 343–344.

⁷⁶ Ibid. S. 297–299.

⁷⁷ Подробную публикацию о храмах с подобными притворами см.: Седов В. В. Церковь Ильи Пророка в Кривовицах. По материалам обследования 1989 г. // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1991. С. 147–155.

⁷⁸ Брунов Н. И. Извлечение из предварительного отчёта о командировке в Полоцк, Витебск и Смоленск в сентябре 1923 года. М., 1926; Он же. Беларуская архітэктура XI–XII ст. // Зборнік артыкулаў. Інстытут беларускае культуры. Менск, 1928. С. 283–287, 298–300.

⁷⁹ Кацнельсон Р. А. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии // ВизВрем. Т. XII. М., 1957. С. 242–262. См. также недавний обзор: Буторина И. В. Трехлопастная форма в византийском и западноевропейском искусстве Средних веков // Seminarium Bulkinianum. II. СПб., 2007. С. 58–68.

⁸⁰ Megaw H. Byzantine Architecture in Mani // The Annual of the British School at Athens. No. XXXIII (1932–1933). London, 1935. P. 137–162.

⁸¹ Megaw H. The Chronology of some Middle-Byzantine Churches // The Annual of the British School at Athens. No. XXXII (1931–1932). London, 1934. P. 90–130; Idem. The Date of H. Theodoroi at Athens // The Annual of the British School at Athens. No. XXXIII (1932–1933). London, 1935. P. 163–169. Отметим, что эта же форма продолжает свое развитие в архитектуре Эпира XIII в. См.: Παπαδόπουλου Β. Ρ. Η Βυζαντινή Άρτα και τα μνημεία της. Αθήνα, 2002.

⁸² Воронин Н. Н., Раппопорт П. А. Зодчество Смоленска XII–XIII вв. Л., 1979. С. 300–329 (далее — Воронин, Раппопорт, 1979). См. также реконструкцию плана на с. 398.

⁸³ Об этом см.: Седов В. В. Тема колонны в древнерусской архитектуре XII–XIII вв. // Архитектура мира. Вып. 3. М., 1994. С. 32–37.

⁸⁴ Воронин, Раппопорт, 1979. С. 228–238.

⁸⁵ О церкви Параскевы Пятницы см.: Барановский П. Д. Собор Пятницкого монастыря в Чернигове // Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР. М.; Л., 1948. С. 13–34; Холостенко Н. В. Архитектурно-археологические исследования Пятницкой церкви в Чернигове // СА. 1956. Т. 26. С. 271–292; Шуляк В. В. Пятницкая церковь в Чернигове // «Археология». 1975. Т. 16. С. 118–121; Штендер Г. М. Разметка архитектурных форм древними зодчими // Памятники культуры. Исследование и реставрация. Т. 1. М., 1959. С. 70–71; о церкви в Путивле см.: Богусевич В. А. Розкопки в Путивльскому кремлі // «Археология». Т. 15. С. 165–174; Раппопорт П. А. Русская архитектура X–XIII вв. Каталог памятников. Л., 1982. С. 47.

⁸⁶ Об этом процессе см.: Седов В. В. Сакральное пространство древнерусского храма: архитектурный аспект // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. М., 2006. С. 556–575.

⁸⁷ Guide to Danish Architecture 1, 1000–1960. Copenhagen, 1995. P. 44–45; Lundberg E. Byggnadskonsten I Sverige under medeltiden. 1000–1400. Stockholm, 1940. S. 214–280, 303–333.